

TEZAUUR LITURGIC

PATERICUL ATHONIT II

SF.PANTELIMON-ATHOS,2002

14 ОКТЯБРЯ

**Житие преподобного и богоносного
отца нашего Евфимия, Нового
Фессалоникийского²⁷³**

Приснославный и блаженный отец наш Евфимий, во плоти ангел и по исшествии из тела своего с горными силами о Боге ликующий, земным и временным отечеством имел страну Галатийскую, а по высоте деятельных и созерцательных совершенств справедливо был гражданином вышнего Сиона. Некогда божественный апостол Павел, осуждая галатов за удобопременяемость мыслей и непостоянство нрава, назвал их безумными (Гал. 3, 1), но, ради сего блаженного, поистине восхвалял бы их, как постоянных и разумных. Воспитавшее святого Евфимия и стяжавшее честь произведения его в мир селение называется Опсо; оно принадлежит галатийскому городу Анкире, пользуется благорастворенным воздухом, отличается богатством и многолюдством и, ради восхваляемого нами святого, может назваться жилищем святых, отечеством спасаемых, училищем добродетели и благочестия. Родители святого Евфимия были богаты и праведны и столько преуспевали в добродетели, что не

только сограждане, но и далеко жившие имели благую и достолюбезную ревность подражать им. Кто видел их и слышал о них, для тех поистине казалось чудом, что они, люди мирские, подлежащие всем народным повинностям и потому, конечно, окружаемые многими житейскими заботами и удручаемые иногда горестями, утешали, однако ж, и поощряли друг друга и, всецело посвящая себя Богу, никогда не хотели сделать даже малейшего уклонения от пути правого. Они были сострадательны, умеренны, благопокорны, кротки, страннолюбивы, нищелюбивы, а оттого и боголюбивы, и тихи, и милостивы, и исполнены нелицемерной любви, и по этой любви – были всем вся. Отец блаженного Евфимия назывался Епифанием – тезоименитый Божественного явления, светлый добродетели светильник, сиявший некогда ближнему самим собою, а ныне нам, далеким от него жителям, сияющий сиянием сына, которого он возжег и явил вселенной, как бы некий факел. Мать же его именовалась Анною, которая, будучи сама приятелищем Божественной благодати, исполняет и нас, чрез славу сына своего, Божественных благодатей. Родившись от таких-то родителей, священный сей и поистине Божий человек, славный

Евфимий, от самого рождения исполнился благодати Святого Духа и потому еще прежде совершенного возраста был кроток, честен, сладок в беседе, благочинен, благопослушлив, покорен родителям, удалялся от обычных детских игр, любил часто посещать святые церкви и почитал благочестивых сродников своих, как отцов. Великий отец наш Евфимий родился в 6332 г. от создания мира (то есть в 824 г. от Р.Х.).

Когда святому Евфимию был седьмой год от рождения, великий отец его по плоти перешел в нестареющуюся, блаженную жизнь. По смерти остались у него, кроме Евфимия, еще две дочери – Мария и соименная ему Епифания. Мать святого Евфимия, как жена благоразумная, не сочла приличным ввести в дом свой второго мужа, но, с другой стороны, так как ей одной, со слабыми женскими силами, тяжело было иметь попечение о доме и семействе, а другого дитяти мужеского пола у ней не было, то всю заботу о себе и семействе своем она и возложила на юного Евфимия, который от самого детства показывал разум не по летам. Подчиняясь, однако, постановлениям о военной службе, она должна была вписать в воинские списки этого возлюбленного и единородного своего сына, именуемого тогда

Никитой. Имя это, как я думаю, дано было ему при рождении не без Божиего мановения, ибо суждено ему было получить победу над врагами видимыми и невидимыми. Итак, служа воином, Никита вместе с тем и для матери своей был опорой во всех отношениях: сыном, помощником, попечителем, покровителем, в печалих облегчителем, в радостях приветствователем, заступником, отцом, защитником и, по преимуществу, – мужем, так как он воспринял на себя всякую заботу о внутреннем и внешнем благосостоянии своего дома. Найдя, таким образом, полное в нем утешение, мать его стала заботиться о приискании столь любезному ей сыну достойной невесты, чтобы чрез чадорождение продолжил род он свой и чтобы супруга его помогала ему в его заботах. По строению Божию скоро нашла она девицу, такую же разумную, происходившую от родителей богатых и славных, по имени Ефросинию, которая могла угодить во всем достойному своему супругу, и с нею сочетала его. Чрез несколько времени родилась у них дочь, которую в чаянии восстановления своего рода называли они Анастасией. После сего преподобный, считая родившееся дитя достаточным утешением и матери, и супруги своей, решается посвятить

себя исключительно на служение Богу, то есть избрать иноческую жизнь, – решается тем более, что и сестра его Мария, бывшая тогда уже замужем, жила в собственном их отеческом доме. Итак, с большим, чем когда-нибудь, духовным веселием отпраздновав праздник Воздвижения честного и животворящего креста он, на другой день в память тезоименного ему святого мученика Никиты положил начало доброго своего намерения. Притворившись, будто идет посмотреть пасшегося в долине своего коня, Никита совершенно оставил свою родину и обрел Царствие Небесное, как некогда Саул вместо ослов – царство Израилево. В то время Никите было 18 лет от роду, а случилось это в 842 г. от Р.Х.Обойдя многие места, блаженный достиг наконец неприступных высот Олимпа, где посетил многих святых отцов, и затем пришел к великому Иоанникию, просиявшему там ангельскими своими подвигами более всех других. В один день, когда к сему великому святому пользы ради пришли многие отцы, был среди них и этот юный его ученик. Богоносный отец наш Иоанникий, прозревая горячее его желание монашеской жизни, будущую его славу и преуспевание в добродетели и то, что, когда он сделается иноком, по следам его пойдут многие иноки,

вместе с тем желая обнаружить и другим скрывавшуюся в нем до того времени добродетель, притворно спросил сошедшихся к нему иноков, кто это между ними такой, что в образе мирском так смело обходится с другими. Когда же все отцы отвечали, что не знают, чудный Иоанникий с притворным гневом закричал: «Этот юноша – дурной человек и человекоубийца, – возьмите его и свяжите». Тут отцы стали спрашивать Никиту, подлинно ли он убийца. Святой, еще прежде иночества стяжавший послушание и смирение, объявил себя действительным убийцею, достойным всякого наказания, и потому с усердием готов был принять узы. Старцы с удивлением смотрели на юношу. Но великий Иоанникий вдруг говорит: «Оставьте; я обвинил его пред вами, как убийцу, только для испытания. Если и в юности, и в мире, не испытал еще нашего жития, он, ради послушания, признал себя виновным в таком преступлении, то какого вида добродетели не совершит, когда сделается иноком!» Выслушав это и ненавидя славу, блаженный удалился оттуда и подчинил себя другому старцу, Иоанну, который жил далеко от того места и тоже был славен у всех за добродетельную свою жизнь. Этот старец, с радостью приняв его и преподав ему уроки о

подвигах иноческого жития, скоро облек его в ангельский образ и переименовал из Никиты в Евфимия. Потом разумный ученик, пробыв довольно долго у прекрасного своего наставника и хорошо научившись от него безмолвию и подвижничеству, по повелению его отходит в киновию, именуемую Писсадион, чтобы, упражняясь в послушаниях киновии, еще более научиться ему иночеству от старцев ее, – так как жизнь киновийная новоначальным весьма полезна. Игумен обители той, Николай, управлял своим стадом с великим благоразумием, поручая всякому приличное послушание и постепенно возводя учеников своих к созерцанию. Приняв блаженного в свою киновию, разумный этот предстоятель сперва назначал ему разные послушания низкие; и кто не удивится здесь смирению и терпению святого Евфимия? Проходя сии послушания, он ни разу не возроптал на сопряженные с ними великие труды, ибо считал их истинным врачевством для юного своего тела. Если же когда и приходили к нему помыслы об оставленном им богатстве, о жене, о сродниках, то он противопоставлял им неложные слова Спасителя: «иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин» (Мф. 10, 36), и еще: «всяк, иже оставит отца, или мать, или братию, или жену, или

чада Мене ради, сторицею примет, и живот вечный наследит» (Мф. 19, 29). Случавшиеся же безчестия и поругания, считая себя достойным всякого наказания, он принимал с великим удовольствием, а отсюда, чрез безчестие и христоподражательное смирение, сделался выше страстей, изгнал из души своей уныние, покорил себе чрево, обуздал язык, очистил слух и руки, так что преподобно воздевал их на молитву, и приготовил ноги свои, да течет невозбранно во дворы Бога нашего. К тому же стяжал он еще и нрав смиренный, привычку к продолжительному псалмопению, к всенощному стоянию, к непрестанной молитве, к слезам, к чтению Божественных писаний и частым коленопреклонениям, к строгому посту, к постоянству и твердости мыслей, к очищению ума и к возвышению его горе – за что и удостоился Божественного осияния и просвещения.

Таковы были в киновии подвиги божественного Евфимия! Затем, получив от Христа Бога милость, обратил он взор свой к жизни пустынной, не потому, чтобы избегал послушания и трудов, а потому, что в безмолвии желал более приблизиться к Богу и по случаю тогдашнего удаления из обители игумена Николая, уклонившегося от соблазнов,

воздвигнутых в Церкви лукавым диаволом. По кончине блаженного Мефодия, при коем проклята была гнусная ересь иконоборцев, патриархом Константинопольским сделался священный Игнатий. Так как он терпел много притеснений от царских вельмож, то, утомившись бесполезной борьбою с неизлечимо болящими, добровольно отрекся от престола и захотел лучше беседовать с Богом, безмолвствуя в своей обители. Блаженный Игнатий управлял Церковью только десять лет. В то время разнесся слух, что этот иерарх изгнан из Церкви против его воли. Посему многие отделились от его преемника, и между ними был упомянутый Николай, по этой причине удалившийся из своей обители. В Церкви происходило тогда много соблазнов, несмотря на то, что новый патриарх был православный и сиял всеми добродетелями. Говорю о блаженном Фотии, который своим учением просветил концы вселенной и в юности много пострадал за поклонение святым иконам; жизнь его была дивна, а кончина засвидетельствована от Бога чудесами. Итак, да не соблазняется никто происходившими тогда явлениями, ибо как Божественная благодать заранее предустраивает причины великих дел, так и отступник-диавол усиливается или совершенно воспрепятствовать

будущему нашему благу, или, по крайней мере, омрачить оное. Посему и в то время старался он устранить могущую произойти от священного Фотия великую для Церкви пользу, но был постыжен, ибо Господь даровал Своей Церкви мир. Итак, святой Евфимий, видя, как мы сказали, отсутствие в обители пастыря ее, да и сам притом желая безмолвия, решился удалиться на Афонскую Гору, слава которой достигла и его слуха. Но так как тогда не дано еще было ему великой схимы, а старец его Иоанн, облекший его в малую схиму, или мантию, уже скончался, то он пошел к одному, тоже славному в Олимпе, подвижнику, по имени Феодор, и, открыв ему свое желание отправиться на Афон, принял от него великий ангельский образ. Через восемь дней, взяв от старца своего молитву, святой Евфимий, после пятнадцатилетнего пребывания в Олимпе, удалился оттуда с другим братом, Феостириком. Движимый чистою родственною любовью, пришел он сначала в Никомидию, чтобы узнать там о своих родственниках: его известили, что они живы, но по причине удаления его скорбны. Получив такое известие, Евфимий вверил одному человеку святой крест, чтобы он передал его матери, супруге и сестрам и объявил им, что кровный их родственник благодатию Божией

уже инок, именуемый вместо Никиты Евфимием, и что, если хотят, пусть и они последуют его примеру. Сначала они удивились таковому его предложению и плакали, но потом, укрепленные помощью свыше, сделались инокинями, а имение свое оставили дочери преподобного – Анастасии, выдав ее замуж. Но обратимся к подвижничеству преподобного на Афоне; оно было так высоко, что превышало силы человека.

Прибыв на Афон, божественный Евфимий с усердием и радостью вступил на узкий и прискорбный путь давно желанного им безмолвия и презирал необходимо соединенные с ним телесные скорби. Так как Феостирикт, не перенеся тесноты и злострадания строгой безмолвной жизни, возвратился в Олимп, то святой Евфимий на подвижническом своем поприще соединился с неким Иосифом, древним афонским подвижником. Этому Иосифу преподобный сделал следующее предложение: «Брат! Так как мы, будучи в чести, по словам Давида, преступлением заповедей уподобились несмысленным скотам (Пс. 48, 13) и лишились своего благородства, то сочтем самих себя за скотов и в течение сорока дней будем питаться одною травою, поникши к земле, как животные: может быть, очистившись чрез это,

мы опять получим свою, по образу Божию и по подобию, красоту». Иосиф принял предложение преподобного, и они сорок дней провели в великом злострадании от жажды и голода, холода и жара. От совершения сего подвига получив, однако ж, немалую пользу, решились они на другой, высший, подвиг, чтобы таким образом, как бы по лестнице, взойти на верх добродетели. Святой Евфимий снова предложил своему подвижнику:

– Оставим теперь, добрый Иосиф, злострадание жития безпокровного, заключимся в какой-нибудь пещере и будем оставаться в ней неведомыми всем другим находящимся здесь инокам²⁷⁴; положим самим себе законом, как бы нисшедшим к нам от Бога, чтобы ни тот, ни другой из нас не выходил из пещеры прежде окончания трех лет. Если кто из нас в течение этих трех лет умрет, то будет воистину блажен, как человек, до конца жизни сохранивший размышление о смерти, и гробом для него будет эта самая пещера. А когда, по изволению Божию, оба мы пребудем живы, – умрут, по крайней мере, сколько это можно, наши страсти и плотские пожелания, и мы изменимся добрым изменением.

Добрый Иосиф принял и это предложение, ибо был прост, нелукав, хотя и происходил из области Армянской²⁷⁵.

После сего, руководимые Богом, они обрели одну пещеру и с усердием заключились в ней; для необходимой же себе пищи собирали близ пещеры плоды, как-то: желуди, каштаны, камарню, и этим едва поддерживали свою жизнь. Кто достойно опишет духовные их подвиги – всенощные стояния, непрестанную молитву и непрерывный пост, по которому можно бы назвать их почти безплотными, – строгое, достойное удивления молчание, ибо если о чем и беседовали они, то разве о молитве и о других каких-нибудь душеполезных предметах, – постоянные коленопреклонения, спание на голой земле, житие без возжжения огня, умерщвление плоти, или, так сказать, оставление и презрение ее, как врага, – телесную наготу, ибо каждый из них имел только по одной изношенной одежде, да и та от ветхости и непрерывных подвигов распалась еще в конце первого года безпримерного такого их подвижничества; к этому присоединим и беспокойство их от множества разного рода насекомых. Кто же, видя столь великое терпение, поставит их ниже мучеников? Впрочем, Иосиф после первого года расслабел и,

выйдя из пещеры, удалился к другим монахам, а святой Евфимий, оставшись один, предался еще большим подвигам и непрестанно беседовал с Богом. Расседался от злобы диавол, видя такие подвиги преподобного, и стал всячески ухищряться, чтобы вытеснить его из пещеры. Сначала он наводит на святого уныние и скорбь об удалении брата, потом – боязнь уединения. Но не получив успеха с этой стороны, он возмущает мир души преподобного помыслами гордости: побежденный же смирением святого и упованием его на Бога и отчаявшись изгнать его помыслами, исконный этот человекоубийца нападает на него явно, как некогда на великого Антония, – преобразившись в варваров-арабов. Эти варвары в самый полдень являются к преподобному, совершавшему тогда молитву, и повелевают ему выйти из пещеры. А так как преподобный не хотел слушать их, то они, связав ему ноги, потащили его к бездне, где, однако ж, благодатию Божией, прогнаны были с посрамлением. Потом древняя эта злоба преобразуется в великого дракона и, устрашая его своим свистом, думает таким образом выгнать его из пещеры.

– Если ты зверь, – сказал святой мнимому сему дракону, – то твори, что повелел тебе Бог, а если

лукавый диавол, – иди за мной, – и демон сделался невидим.

Потом злой дух превращается во множество скорпионов, которые, наполнив пещеру преподобного и уязвляя его, причиняли ему лютую боль, но святой, запретив им, прогнал их честным крестом и молитвою. Побезденный таким образом, враг более не являлся; священный же Евфимий, оставшись в пещере без искушений, стал подвизаться еще усерднее. Так кончил он весь трехгодинный срок пребывания своего в пещере и, исполнив это свое желание, ишел из нее, как бы с неба. Между тем, вне пещеры давно уже ожидали его подвижники, узнавшие о нем от Иосифа и горевшие желанием подражать ему. Довольно времени назидав их добродетельной своей жизнью, святой удалился в Олимп, куда призывал его честной старец Феодор, облекший его в великую схиму, – чтобы он пришел туда и взял старца с собою на Афон. С этой целью Феодор нарочно послал к нему с письмом вышеупомянутого Феостирикта. С усердием исполнил преподобный просьбу своего старца – отправился на Олимп и оттуда возвратился с ним на Афон. А так как Феодор, от много подвижничества слабый и безсильный, имел нужду в некотором утешении, население же

Святой Горы того не представляло, потому что жилища мирских людей лежали далеко от нее, то признательный послушник его, святой Евфимий, отыскал ему близ селений место, удобное и для безмолвия, и для покоя телесного, где построил келью и с великим усердием служил ему в оной. Это место называлось Макросина и находилось близ Провлака. Но и здесь Феодор, несмотря на усердную о нем заботливость святого Евфимия, впал в жестокую болезнь: он стал страдать задержанием мочи и резью в почках, так что для облегчения своей болезни должен был обратиться к врачевным пособиям и отправился к христолюбивым и монахолюбивым христианам в Солунь, где скоро и почил о Господе и погребен в церкви святого мученика Созонта. Отпустив старца своего в Солунь, святой Евфимий остался на Афоне и в своих подвигах восходил от силы в силу. Хотя, привыкнув к уединению, святой отнюдь не хотел являться в мир, однако услышав об успении своего старца и зная, что надобно почитать отцов своих и по смерти их, он волея-неволей прибыл в христолюбивый и монахолюбивый город Солунь – поклониться на гробе своему старцу, чтобы на путях своей жизни охраняться молитвами его к Богу. Между тем, солунский народ, давно уже слыша о

добродетелях святого и узнав теперь о приходе его, во множестве вышел ему навстречу, чтобы приветствовать его и получить от него благословение. Так как и вслед за тем христиане стекались к нему толпами, то он стал скучать, что нарушают его безмолвие: посему, чтобы и народ назидать, и самому назидаться в безмолвии, преподобный, облобызав гроб Феодора, вышел из Солуни и, подобно Симеону Столпнику, взошел на столп, стоявший недалеко от города. С этого столпа учил он всех, к нему приходивших. Пробыв на столпе довольно долгое время, святой многих обратил к добродетели и жизни монашеской и уврачевал от долговременных, неизлечимых болезней, но потом снова возжелал прежнего безмолвия, потому что умножавшееся стечение к нему благочестивого народа более и более беспокоило его. Возымев этот помысел, он сообщил его солунскому архиерею Феодору, тоже славному подвижнику, и собирався снова удалиться на Афон. В этот раз, убежденный блаженным иерархом, он принял рукоположение в диакона, не ради гордости – ибо и эта гнусная страсть вместе с другими поправа была преподобным, – а для того, чтобы удобнее приобщаться в пустыне Пречистых Христовых Таин²⁷⁶.

Но и на Афоне святой Евфимий пробыл недолго, потому что там поселилось теперь много монахов, которые намеревались подражать ему; множество их было причиною шума, уподоблявшегося городскому, и беспокоило Евфимия – тем более, что многие монахи, почитая его как первенствующего и притом священного, стали часто делать ему свои посещения. Итак, желая избежать сего беспокойства, преподобный с двумя единомудренными и единомысленными подвижниками – Иоанном Коловом и Симеоном – удалился на остров, называемый Новых (ныне святого Евстратия), тогда еще необитаемый, и там, найдя желаемое безмолвие, думал, что наконец обрел пристанище невозмутимое. Но завистливый диавол не мог переносить брани против него этих трех ратоборцев и, попущением Божиим, подвиг на них сарацинов, которые, приплыв на двух кораблях, пленили их и хотели было увести с собою. Но Спаситель наш Иисус Христос чудом спас преподобных Своих. Когда варвары, пользуясь попутным ветром, с веселием и радостью подняли паруса и пустились в путь, и отплыли от острова с милю, корабль, в котором находились преподобные, вдруг стал как вкопанный, никак не двигался с места, тогда

как другой, в котором находились ничтожные вещи и несколько книг, принадлежащих святым, плыл хорошо. Это чудо изумило варваров, и один из них, поняв причину такого явления, говорит своим товарищам: «Ужели мы, глупые, не можем понять, что это случилось с нами за насилие, сделанное рабам Божиим? Если не хотим погрузиться в море, давайте скорее освободим их». Товарищи согласились с ним без противоречия, и все они, пав к ногам святых, просили у них прощения, которое тогда же и получили; после сего корабль подвигся сам собою, и они, возвратившись на остров, дали святым полную свободу. Потом преподобные стали просить у них и ничтожные свои вещи, как для них необходимые, но варвары презрели их прошение и отправились в свой путь. Но когда отплыли они от острова на довольно уже расстояние, внезапно подул противный ветер и пригнал их опять к тому же острову. Изумившись этому чуду, варвары тотчас же отдали святым все у них похищенное, только один из них, взбешенный от этого возвращения корабля, схватил Иоанна Колова и бил его, пока не был остановлен товарищами. Тогда святой Евфимий сказал им:

– Арабы! Если бы вы освободили нас без обиды, то мирно достигли бы отечества, а теперь,

нанеся обиду брату, вы обидели Бога и скоро узнаете, как велико это зло.

Не солгало проречение святого. На пути оттуда встретились они с военными римскими кораблями, которые отвели в плен тот самый корабль, где находился обидчик святых, а другой, сверх чаяния, спасся. Так сохранены были святые и прославился прославляющий их Бог; враг же диавол остался посрамленным.

Но так как есть заповедь не искушать Господа Бога и бегать опасных мест (Мф. 10, 23), то преподобные опять перешли на Афон. Впрочем, нападение варваров угрожало им и здесь, ибо некоторые из братьев были уже пленены ими; оттого каждый из оставшихся там, опасаясь подобной участи, избирал места безопаснейшие. По этой причине преподобный Иоанн перешел в так называемые Сидирокавсии; Симеон удалился в Эмладу, а священный Евфимий со своими учениками перешел во Вростаму. Там же, во Вростаме, жил тогда и прежний сподвижник преподобного – Иосиф, о котором мы многократно упоминали и который потом, уже состарившись, почил о Господе. Многопобедное тело его видели и мы (говорит Василий) в пещере, где он скончался, и поклонились ему; касаясь же его своими руками, весьма дивились, что оно не только оставалось

нетленным, но, по благодати Божией, даже источало из себя благовонное миро, помазавшись которым, мы благоухали до трех дней. Это явление как ни чудесно, но оно весьма истинно, ибо есть много примеров, что, по благодати всеблаготворного Бога, пот подвижающихся ради Него по смерти их превращается в миро. Божественный Евфимий братьям своим построил кельи, а сам безмолвствовал далеко от них, в глубоком рву, – впрочем, принимал всех к нему приходивших и помещал их в кельях братьев; в числе других принял он и Онуфрия, славного тогда подвижника, и поселил его одного в особой келье. Смотря на собор этих живших там блаженных отцов, всякий сказал бы, что он видит в том месте воплощенных ангелов или людей, ставших ангелами. Между тем, преподобный иногда посещал братию и сообщал им многое от своих дарований, а иногда, горя безмолвием, ходил из своего рва на Афон, где, беседуя один на один с Богом, до того очистил ум и сердце свое, что сподобился Божественных видений и получил Божественное откровение, говорившее ему так: «Евфимий! Иди в Солунь; там, в горах, к востоку от города, найдешь ты вершину, называемую Перистером, с источником воды, и увидишь храм святого апостола Андрея Первозванного, древле

благословенно созданный, а теперь превращенный в овчарню; очисти это место и для спасения душ преврати в монастырь: Я помогу тебе во всем. Нехорошо тебе долее оставаться в пустыне, в борьбе с демонами, которые, давно побежденные твоей добродетелью, удалились от тебя». Услышав это, преподобный оставляет вершины Афона, приходит к братьям, жившим в кельях Вростамы, и, взяв из них двоих – Игнатия и Ефрема, – отправляется с ними из Афона в Солунь, где был принят христианами как сшедший с небеси ангел. Прибыв туда, он спрашивал о месте, называемом Перистеря, и о том, кто владетель его. Найдя знающих то место, взял он проводников и, восшедши с ними на указанную гору, увидел сообщенные ему в откровении ее признаки, обнаружил также на месте храма и овчарню и восстенал, что даже христианами унижается священное. Потом начал он с бывшими при нем тщательно разрывать место и немного спустя открыл все основание храма. Находившиеся там удивились, как оправдалось проречение преподобного и, убедившись этим, что есть воля Божия быть там училищу душ, приняли созидание его на свои расходы; так воздвигнут был храм святого апостола Андрея, с приделами: с правой стороны – в честь св. Иоанна Предтечи, а с

левой – во имя Евфимия Великого. Но прежде чем окончены были священные эти работы, святой испытал много трудов и вреда от завистливых демонов, которые не только скрытно злоумышляли против работавших, но и явно кричали и, бросая в них камни, старались отклонить их от сего дела. Однажды они опрокинули леса здания и низринули сверху зодчего, но так как он Божией помощью остался невредим, то все прочие работавшие, видя безуспешность коварства демонов, воодушевились еще большим дерзновением и усердием. Впоследствии, когда здание приближалось уже к завершению, демоны в одну ночь, поколебав левую его сторону, ниспровергли ее всю и надеялись чрез это принудить мастеров оставить строительство. Но так как, по увещанию святого, павшее снова было тщанием народа благоговейно воздвигнуто, то демоны, утомившись, стали строить козни уже самому святому – старались устрашить его и грозили прогнать оттуда против его воли. Раз ночью покушались они умертвить преподобного, но он знаменiem честнаго креста и молитвою уничтожил их покушение. В другой раз, когда преподобный поливал огород, демоны устремились на него во множестве, но он с дерзновением сказал им:

– Для чего вы, когда уже вторично умертвил вас Христос, делаете зло Его служителям? Если дана вам от Него власть, употребите ее: вот, я один среди вас, а когда никакой власти не дано, удалитесь от меня, ибо я до смерти не оставляю этого места.

Тогда демоны с громкими криками удалились от святого. Так по молитвам преподобного отца Евфимия воздвигнут был и храм, и монастырь: это совершилось в лето от сотворения мира 6376, от рождества же Христова 868, в первый год царствования Василия Македонянина, индикта 1-го. Нельзя оставить без внимания и телесных трудов святого, какие предпринимал он при строении, – да будут и они предметом подражания для людей, удивляющихся его подвигам. Ночи проводил он в молитвах, а дни в трудах, участвуя лично во всех работах. Блаженный уподоблялся мудрому Веселеилу, который, воздвигнув скинию Господу, спас в ней множество народа, исшедшего с Моисеем из Египта, от греха и демонской мамоны, и достигшего небесной земли обетования. Сюда к преподобному собралось множество движимых ревностью к добродетели иноков. Пустыня сделалась градом: люди всякого возраста, рода и состояния, отрекаясь сродников, друзей, мира и предпочитая небесные блага земным, охотно

поручали себя духовному руководству святого и отеческому его о них попечению. Таким образом, вокруг него если не совсем уничтожилось зло, то уменьшилось и заменялось процветанием всякого добра. Как древле народ израильский для устроения скинии давал Моисею все – так и теперь христиане приносили к преподобному разного рода скот, дарили плодоносные земли и вообще все, что требовалось к созиданию обители и пропитанию подвижающихся в ней, чтобы они молились о принесших. Видя, что многие отрицающиеся мира и приходящие в его обитель были новоначальные и неискусные в подвижничестве, и зная различные коварства хитрого врага, святой, как пастырь добрый, опасался за свою паству и потому непрестанными и усердными молитвами просил Господа о спасении их. И Господь, внимающий молитвам Своих праведных и творящий волю боящихся Его, соблюдал его стадо невредимым. Впрочем, всегда ожидая нападения от врага, святой тем не менее утверждал их продолжительными поучениями и говорил: «Братие! Враг наш диавол, по Писанию, яко лев рыкая, ходит, чтобы, найдя кого из нас нерадящим о спасении своем, поглотить его: да хранимся же и подвижаемся. Если мы отреклись от мира, то

отсечем пожелания плоти; если мы распяли плоть свою и облеклись в смерть Господню, то да не увлекаемся удовольствиями плотскими и да ходим духом; если для Царствия Небесного облеклись мы в ангельский образ, то да жительствуем как ангелы; если мы действительно любим Господа, то должны хранить Его заповеди; если мы не хотим стяжать славы Его по любви к небу, то по крайней мере да убоимся вечных мучений. Да работаем своими руками, ибо от праздности и лени мы изнемогаем и расслабеваем для творения добрых дел, и тогда бесплодие и оскудение бывает необходимым нашим уделом: «не смотря на своего дому, наследит ветры», говорит премудрый (Притч. 11, 29), а апостол Павел говорит: «аще кто не хочет делати, ниже да яст» (2Сол. 3, 10). Храните смирение, любовь, послушание к предстоятелю, имейте к нему веру и ничего не скрывайте от него: исповедуйте ему ваши помыслы и таким образом очищайте ваше сердце и ум, ибо это есть путь спасения». Преподобный напоминал им и о киновии, как светло представил ее святой Иоанн Лествичник, и с такою духовной мудростью учил их всему полезному. Слышающие говорили, что Божественную благодать вдохнул в него Святой Дух, так же, как святым апостолам. Плененные

богодуховенным его учением, подчинились ему и мы (то есть Василий), постригшись от него в Ормилии, в храме мировожденного великомученика Димитрия, и, по назначению его, сидели немного времени в отшельнических его кельях, ибо весьма любили безмолвие, хотя после, побежденные славолубием, предпочли многомятежную жизнь городскую. Тогда-то, движимые Божественной ревностью и поощряемые желанием святого пастыря, сожгли мы и еретическую книгу Антония-манихея, прельщенного монаха, обитавшего в Кранеях.

Здесь из многих изречений святого я упомяну только о проречении его мне, дабы вы узнали, что он достиг высокого созерцания, чрез которое, получив дар пророчества, предугадывал будущее. Когда я был пострижен им и пробыл в церкви уже три дня, – каков обычай у монахов по пострижении оставаться внутри храма до семи дней, – Божий сей человек, поистине восшедший от деяния к видению и чрез то стяжавший предвидение будущего, получив вдохновение от благодати Святого Духа касательно моей будущности, в полдень приходит в храм и, отведя меня в сторону, говорит: «Василий! Хотя я и недостойн светосияния или дара прозорливости, но так как вы притекли под руководство моего

недостойнства для пользы вашей, то всеблагий Бог благоволил кануть и мне некую каплю благодати, чтобы, провидев имеющее случиться с вами, сказал я вам полезное ко спасению. Итак, знай, что ты, по любви к наукам, скоро удалишься из монастыря и сделаешься архиереем, там, где Господь тебе предназначил, но тогда поминай и меня, как отца твоего, и обитель нашу, и братий». Следует здесь сказать и о некоторых чудесах преподобного, чтобы вы знали, какое он имел дерзновение к Богу. Ходя некогда по пустынному месту, я и другой брат – Иоанн, именуемый Безмолвником, – были мы в опасности умереть от голода и утомления, но святой внезапно доставил нам пищу, и мы, укрепившись, пошли в свой путь. В другой раз я и преподобный были далеко от обители, в одном месте, называемом Корония: там объявил он мне об удалении из обители двух братий – Иоанна и Антония, вследствие ссоры с братией. В Солуни, подвизаясь на столпе, изгнал он беса из некоего человека, и средством к тому употребил молитву и помазание от священного елея. Выгнал он также беса и в Перистере из монаха Илариона, который, однако ж, начав осуждать святого, снова подпал под власть демона. Эти два чуда видели мы своими очами. Еще одно чудо совершил преподобный на Афоне: однажды

ученики его решились взойти на вершину горы; долго удерживал их святой от этого дела, как не имеющего для них никакой пользы, но они не послушали его – пошли; во время пути вдруг выпал снег и они подвергались опасности быть застигнутыми смертью, но чадолюбивый отец их, провидя духом опасность, поспешил к ним на помощь и таким образом непослушных своих учеников спас от холода и голода. Много и других чудес сотворил святой, но мы для краткости оставляем их.

Пасши стадо свое богоугодно четырнадцать лет и оставаясь неизвестным для своих родственников 42 года, святой наконец дознан был ими – как Иосиф своими братьями. Призвав их к себе, мужей определил он в свою обитель, а жен – в женский монастырь, который тогда создал на купленном нарочно для того месте, и сделал начальницей над ними сестру свою, названную во святой схиме Евфимиею. После сего, поручив оба эти монастыря главному смотрению и попечению солунского митрополита Мефодия и таким образом освободившись от всех забот, святой Евфимий опять взошел для безмолвия на древний свой столп. Но, не найдя там желаемого безмолвия по причине множества приходивших к нему, святой снова удалился на высоты Афона, где,

однако ж, тоже обезпокоиваем был приходившими. Предузнав наконец день своего успения и желая, по крайней мере, провести его в покое и наедине, преподобный 7 мая, в память перенесения мощей святого Евфимия, призвал к себе на трапезу бывших с ним братьев и, в обществе их отпраздновав этот день, простился с ними, а на другой день, никому ничего не объявляя, взял для служения себе только некоего Георгия-монаха и удалился с Афона на остров, так называемый Священный. Там нашел он одну пещеру, поселился в ней и, подвизаясь до пяти месяцев, наконец, как человек, после краткой и легкой болезни, 15 октября²⁷⁷ почил о Господе – и приложился ко всем святым, которых добродетелями постоянно украшался. Спустя два месяца после отшествия святого ко Господу узнали о том иноки обители его Перистеры и, желая иметь в нем своего стража и заступника даже по смерти, послали на остров того монаха Павла и иеромонаха Власия, чтобы они священные его мощи перенесли в обитель. Прибыв туда, они нашли тело святого в пещере, где он почил целым и без всякого признака тления, хотя оно лежало там очень долго, и 13 января перенесли его в богатый мученическими мощами город Солунь²⁷⁸, к ученикам его. Находясь здесь, святой священными своими

мощами чудесно исцеляет телесные наши болезни, а святою душою предстоя престолу Всевышнего, молит Его о душевном нашем спасении и улучшении²⁷⁹.

Молитвами преподобного и богоносного отца нашего Евфимия да избавимся и мы все от недугов душевных и телесных и да сподобимся Царствия Небесного о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому подобает всякая честь и слава, купно со безначальным Его Отцем и Святым Духом, во веки веков. Аминь.

* * *

273

С рукописи. По нашим месяцесловам память его – 15 октября, в Четых Минеях же святителя Димитрия краткие о нем замечания находятся под 14 числом сего месяца. Под сим же числом и в синаксаре Никодима св. Евфимий показан подвижавшимся за св. иконы: но из жития его не видно таких подвигов. Житие св. Евфимия написано учеником его архиепископом солунским Василием, причтенным Церковью тоже к лику святых: память его, по греческому синаксарю, 1 февраля; скончался он в конце IX в.; указанный год его кончины в П. Мес. арх. Сергия – 830 г. – неверен, так как он описывает в сказанном житии происшествия 867 г. и далее. Полагают, что он святительствовал на

Солуни в 895–900 гг. (см. Ekkhlhsiaſtikh Alhqeia. 1897, № 46.).

274

Как из этого, так и из других мест жизнеописания Евфимия ясно видно, что святой Евфимий, придя с Олимпа на Святую Гору, нашел ее не пустынею, как думают некоторые; только не видно, как в то время жили на Афоне иноки: в монастырях ли или в скитах, или в кельях.

275

Замечательная черта области Армянской в девятом веке.

276

Т.е., так как не посвященным не позволено брать Христовы Тайны своими руками, то святой Евфимий принял диаконское рукоположение, чтобы ему можно было самому приобщаться в пустыне запасными Дарами. Агиорит Иаков.

277

Следовательно, в наших месяцесловах память его обозначена вернее, чем в греческом синаксаре. Впрочем, Никодим упоминает, что память святого в некоторых греческих источниках указывается и 15 ноября. Год

кончины преп. Евфимия – по вычислениям еп. Порфирия – 889-й.

278

По этой причине святой Евфимий и называется Фессалоникийским, хотя отечеством его было совсем другое место. – Иаков.

279

После сего следует обширное обращение признательного ученика – архиепископа Василия, к учителю своему, святому Евфимию, но мы для краткости оставляем его.

